

• ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА •

Русские волшебные

СКАЗКИ

• ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА •

Русские волшебные СКАЗКИ

Художник А. Лебедев

МОСКВА
РОСМЭН
2011

БАБА-ЯГА

Жили себе дед да баба. Дед овдовел и женился на другой, а от первой жены осталась у него дочка. Злая мачеха её невзлюбила, била её и думала, как бы вовсе её извести.

Раз отец уехал куда-то по делам, а мачеха и говорит девочке:

— Поди к своей тётке, моей сестре, попроси у неё иголочку и ниточку — тебе рубашку сшить.

А тётка эта была Баба-яга, костяная нога.

Девочка не глупа была, почувствовала неладное да зашла прежде к своей родной тётке.

— Здравствуй, тётушка!

— Здравствуй, родимая! Зачем пришла?

— Мачеха послала к своей сестре попросить иголочку и ниточку — мне рубашку сшить.

А родная тётка и говорит ей:

— Вот тебе, племянushка, ленточка, маслице, хлебец да ветчины кусок. Будет там берёзка тебя в глаза стегать — ты её ленточкой перевяжи; будут там ворота тебе скрипеть и хлопать — ты подлеи им под пяточки маслица. Будут там тебя собаки рвать — ты им хлебца брось. Будет тебе кот глаза драть — ты ему ветчинки дай.

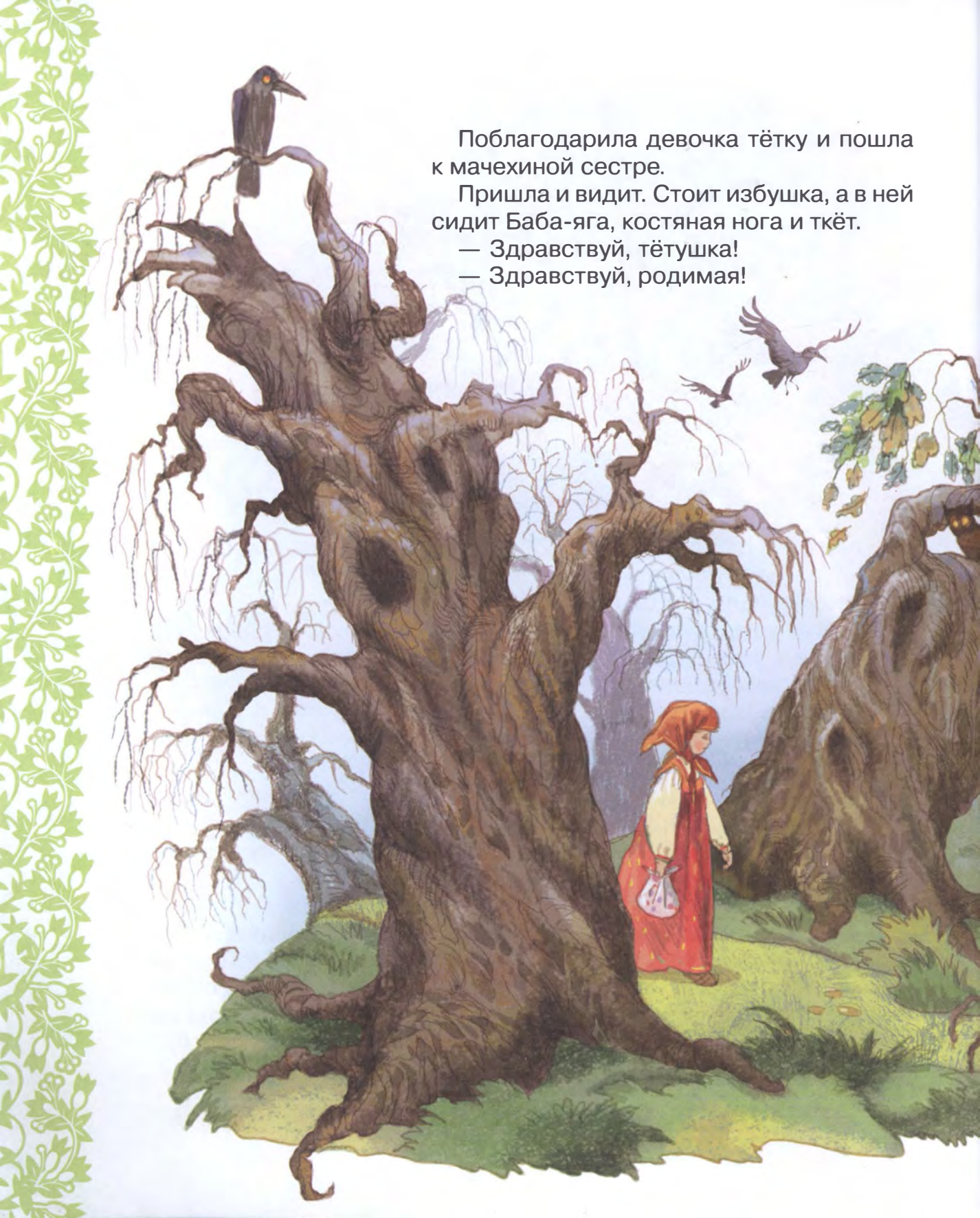

Поблагодарила девочка тётку и пошла
к мачехиной сестре.

Пришла и видит. Стоит избушка, а в ней
сидит Баба-яга, костяная нога и ткёт.

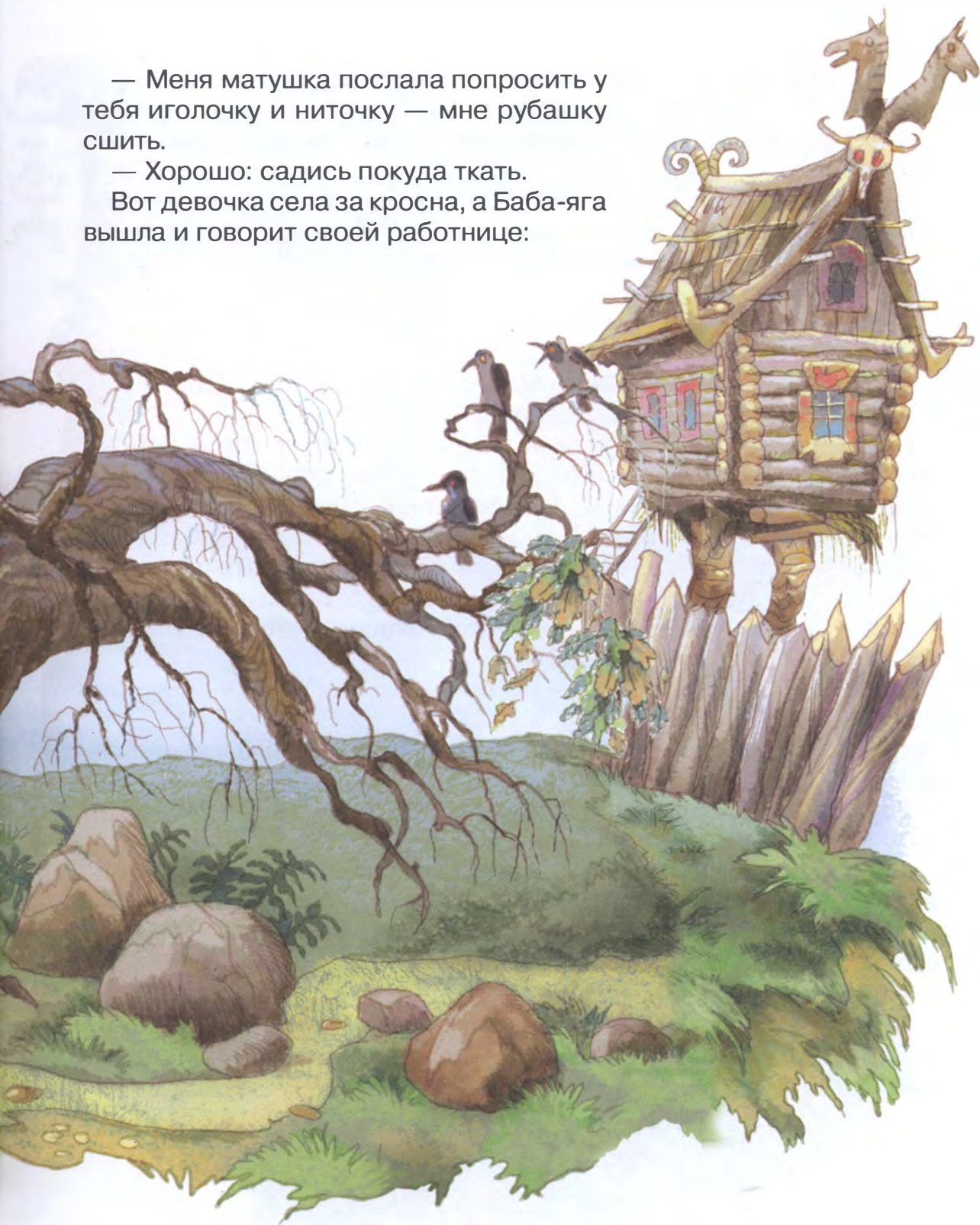
— Здравствуй, тётушка!

— Здравствуй, родимая!

— Меня матушка послала попросить у
тебя иголочку и ниточку — мне рубашку
сшить.

— Хорошо: садись покуда ткать.
Вот девочка села за кросна, а Баба-яга
вышла и говорит своей работнице:

— Ступай, истопи баню и вымой племянницу, да смотри, хорошенько; я хочу ею позавтракать.

Услыхала это девочка, сидит ни жива ни мертва и просит она работницу:

— Родимая моя! Ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай да решетом воду носи, — и дала ей платочек в подарок.

А Баба-яга ждёт-дожидается. Подошла она к окну и спрашивает:

— Ткёшь ли, племянушка, ткёшь ли, милая?

— Тку, тётушка, тку, милая!

Баба-яга и отошла, а девочка дала коту ветчинки и говорит:

— Котик-коток, как мне убежать отсюда?

— Вот тебе гребешок и полотенце, — говорит кот, — возьми их и убегай. За тобой будет гнаться Баба-яга, ты приклони ухо к земле и, как услышишь, что она близко, брось сперва полотенце — сделается широкая-широкая река. Если ж Баба-яга перейдёт через реку и станет догонять тебя, ты опять приклони ухо к земле и, как услышишь, что она близко, брось гребешок — сделается дремучий-дремучий лес, сквозь него она уже не проберётся!

Девочка взяла полотенце и гребешок, поблагодарила кота и побежала.

Собаки бросились, хотели её рвать — она бросила им хлебца, и они её пропустили.

Ворота заскрипели, хотели захлопнуться — она подлила им под пяточки маслица, и они её пропустили.

Берёзка хотела ей глаза выстегать — девочка её ленточкой перевязала, и та её пропустила. Бросилась девочка бежать со всех ног.

А кот сел за кросна и ткёт вместо девочки; не столько наткал, сколько напутал. Баба-яга подошла к окну и спрашивает:

— Ткёшь ли, племянушка, ткёшь ли, милая?

— Тку, тётка, тку, милая! — отвечает грубо кот.

Баба-яга бросилась в избу, увидела, что девочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачем не выцарапал девочке глаза.

— Я тебе сколько служу, — говорит кот, — ты мне косточку пожалела, а она мне ветчинки дала.

Баба-яга выбежала из избы, накинулась на собак, на ворота, на берёзку и на работницу, давай всех ругать и колотить.

Собаки говорят ей:

— Мы тебе сколько служим, ты нам горелой корочки не бросила, а она нам хлебца дала.

Ворота говорят:

— Мы тебе сколько служим, ты нам водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица не пожалела.

Берёзка говорит:

— Я тебе сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой украсила.

Работница говорит:

— Я тебе сколько служу, ты мне тряпочки не дала, а она мне платочек подарила.

Баба-яга, костяная нога поскорей села в ступу, пестом погоняет, помелом след замечает и пустилась в погоню за девочкой.

Вот девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба-яга гонится, и уж близко. Взяла да и бросила полотенце — сделалась река, такая широкая-широкая! Баба-яга приехала к реке и от злости зубами заскрипела. Воротилась домой, взяла своих быков и пригнала к реке. Быки выпили всю воду из реки дочиста.

Баба-яга пустилась опять в погоню. Девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба-яга близко. Бросила гребешок — сделался лес, такой дремучий да страшный! Баба-яга стала его грызть, но сколько ни старалась — не могла прогрызть и воротилась назад.

А дед уже приехал домой и спрашивает у жены:

— Где же моя дочка?

— Она пошла к тётушке, — говорит мачеха.

Немного погода и девочка прибежала домой.

— Где ты была? — спрашивает отец.

— Ах, батюшка! — говорит она. — Так и так — меня матушка посылала к тётке попросить иголочку с ниточкой — мне рубашку сшить, а тётка, Баба-яга, костяная нога, меня съесть хотела.

— Как же ты ушла, дочка?

— Так и так, — рассказывает девочка.

Отец, как узнал всё это, рассердился на жену и выгнал её; а сам с дочкою стал жить да поживать да добра наживать.

И я там был, мёд-пиво пил; по усам текло, в рот не попало.

ТЕРЁШЕЧКА

Худое житьё было старику со старухой! Век они прожили, а детей не нажили. Смолоду ещё перебивались так-сяк; состарились оба — напиться подать некому. И тужат они, и плачут. Вот сделали они колодочку, завернули её в пелёночку, положили в люлечку, стали качать да прибаюкивать — и вместо колодочки стал расти в пелёночках сыночек Терёшечка, настоящая ягодка!

Мальчик рос-подрастал, в разум приходил. Отец ему сделал челночок. Терёшечка поехал рыбу ловить; а мать ему и молочко и творожок стала носить. Придёт, бывало, на берег и зовёт:

— Терёшечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать твоя, пришла, молока принесла.

Терёшечка далеко услышит её голосок, подъедет к бережку, высыпет рыбку, напьётся-наестся и опять поедет рыбу ловить.

Один раз мать пришла и говорит ему:

— Сыночек, милочка! Будь осторожен, караулит тебя ведьма Чувилиха; не попадись ей в когти.

Сказала и ушла. А Чувилиха пришла к бережку и зовёт страшным голосом:

— Терёшечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать твоя, пришла, молока принесла.

А Терёшечка распознал, что не матушкин это голос, и говорит:

— Дальше, дальше, мой челночок! Это не родимой матушки голосок, а злой ведьмы Чувилихи.

Чувилиха услышала, побежала и добыла себе голосок, как у Терёшечкиной матери.

Пришла мать, стала звать сына тоненьким голоском:

— Терёшечка, мой сыночек, плыви, плыви к бережочку.

Терёшечка услышал и говорит:

— Ближе, ближе, мой челночок! Это родимой матушки голосок.

Мать его накормила, напоила и опять за рыбкой пустила.

Пришла ведьма Чувилиха, запела выученным голоском, точь-в-точь родимая матушка. Терёшечка обознался, подъехал. Ведьма его схватила, сунула в мешок и помчалась к себе домой.

Примчалась в избушку на курьих ножках да и велела своей дочери Терёшечку изжарить; а сама ушла.

Терёшечка был мужичок не дурачок, в обиду девке не дался. Изловчился и вместо себя посадил её жариться в печь, а сам взобрался на высокий дуб.

Прибежала Чувилиха, вбежала в избу, напилась-наелась жареного мяса, вышла на двор, катается-валяется и приговаривает:

— Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкиного мяса наевшись!

А он ей с дуба кричит:

— Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!

Услышала она, подняла голову, раскинула глаза на все стороны — нет никого! Опять затянула:

— Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкиного мяса наевшись!

А он отвечает:

— Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!

Испугалась она, глянула и увидела его на высоком дубу. Вскочила, бросилась к кузнецу:

— Кузнец, кузнец! Скуй мне топорик.
Сковал кузнец топорик и говорит:
— Не руби же ты острием, а руби обухом.
Ведьма послушалась. Прибежала к высокому дубу, стучала-
стучала по нему топориком, рубила-рубила, ничего не сделала.

Припала к дереву, впилась в него зубами,
дерево затрещало.

По небу летят гуси-лебеди.

Терёшечка чувствует беду неминуемую, видит
гусей-лебедей, взмолился им, стал их упра-
шивать:

— Гуси-лебеди,
Возьмите меня,
Посадите меня на крылышки,
Донесите меня к отцу, к матери;
Там вас накормят-напоят.

А гуси-лебеди отвечают:

— Га-га! Вон летит другое стадо, поголоднее нас, оно тебя возь-
мёт, донесёт.

А ведьма всё грызёт, только щепки летят, а дуб трещит да шата-
ется.

Летит другое стадо лебедей. Терёшечка опять кричит:

— Гуси-лебеди!
Возьмите меня,
Посадите меня на крылышки,
Донесите меня к отцу, к матери;
Там вас накормят-напоят.

— Га-га! — отвечают гуси. — За нами летит зашипанный гусе-
нёк, он тебя возьмёт, донесёт.

Гусенёк не летит, а дерево трещит да шатается. Ведьма погрызёт-
погрызёт, взглянет на Терёшечку — оближется и опять примется
за дело; вот-вот дуб повалится и он к ней свалится!

По счастью, летит зашипанный гусенёк, крылышками машет,
а Терёшечка-то его просит, спрашивает:

— Гусь-лебедь ты мой,
Возьми меня,
Посади меня на крылышки,
Донеси меня к отцу, к матери;
Там тебя накормят-напоят
И чистой водицей обмоют.

Сжалился защипанный гусенёк, подставил Терёшечке крылышки, вострепнулся и полетел вместе с ним.

Подлетели они к окошечку родимого батюшки, сели на травке. А старуха, Терёшечкина матушка, напекла блинов, созвала гостей, поминает Терёшечку и говорит:

— Это тебе, гостёк, это тебе, старичок, а это мне блинок!

А Терёшечка под окном отзывается:

— А мне?

Старуха услышала и говорит:

— Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?

Старик вышел, увидел Терёшечку, обхватил его, привёл к матери — пошло обниманье!

А защипанного гусенька откормили, отпоили, на волю пустили, и стал он с тех пор широко крыльями махать, впереди всех летать да Терёшечку вспоминать.

БЕЛАЯ УТОЧКА

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел ещё на неё наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел её послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть.

Много плакала княгиня, много князь её уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не знаться, худых речей не слушать. Княгиня обещала всё исполнить.

Князь уехал; она заперлась в своём покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось — такая простая, сердечная!

— Что, — говорит, — ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда — и пошла.

В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

— Что, — говорит женщина, — день такой жаркий, солнце палит, а водица студёная так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

— Нет, нет, не хочу! — А сама подумала: ведь искупаться не беда! Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила её по спине.

— Плыви ты, — говорит, — белою уткой!

И поплыла княгиня белою уткой.

Ведьма тотчас нарядилась в её платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя.

Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал её.

А белая утка нанесла яичек, вывела деточек: двух хороших, а третьего — заморышка; и деточки её вышли — ребяточки.

Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтанишки сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

— Ох, не ходите туда, дети! — говорила мать.

Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше — и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьём их узнала, зубами заскрипела. Вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навести котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули; а заморышка, чтоб не застудить, приказала им мать в пазушке носить, — заморышек-то и не спит, всё слышит, всё видит.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

— Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

— Не спят!

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь:

— Спите, детки, или нет?

Заморышек опять говорит то же:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

«Что же это всё один голос?» — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мёртвой рукой — и они померли.

Поутру белая утка зовёт деток; детки нейдут.

Зачуяло её сердце беду, встрепенулась она и полетела на княжий двор.

На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком.

Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

— Кря, кря, мои деточки!

Кря, кря, голубяточки!

Я нуждой вас выхаживала,

Я слезой вас выпаивала,

Тёмну ночь недосыпала,

Сладок кус недоедала!

— Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает.

— Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!

Её прогонят, она облетит да опять к деткам:

— Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная;
Отняла у вас отца рóдного,
Отца рóдного — моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уток,
А сама живёт — величается!

«Эге!» — подумал князь и закричал:

— Поймите мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не даётся; выбежал князь сам, она к нему на руки пала.

Взял он её за крылышко и говорит:

— Стань, белая берёза, у меня позади, а красная девица — впереди!

Белая берёза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой — говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили.

И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добра наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога — там стала кочерга; где рука — там грабли; где голова — там куст да колода. Налетели птицы — мясо поклевали, поднялись ветры — кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА

В некоем королевстве служил у короля солдат в конной гвардии, прослужил двадцать пять лет верою и правдою; за его верную службу приказал король отпустить его в чистую отставку и отдать ему в награду ту самую лошадь, на которой в полку ездил, с седлом и со всею сбруею.

Простился солдат со своими товарищами и поехал на родину. День едет, и другой, и третий...

Вот и вся неделя прошла, и другая, и третья — не хватает у солдата денег, нечем кормить ни себя, ни лошадь, а до дому далеко-далеко!

Видит, что дело-то больно плохо, сильно есть хочется; стал по сторонам глазеть и увидел в стороне большой замок.

«Ну-ка, — думает, — не заехать ли туда; авось хоть на время в службу возьмут — что-нибудь да заработаю».

Поворотил к замку, въехал на двор, лошадь на конюшню поставил и задал ей корму, а сам в палаты пошёл. В палатах стол накрыт, на столе еда, чего только душа хочет! Солдат наелся-напился. «Теперь, — думает, — и соснуть можно!»

Вдруг входит медведица:

— Не бойся меня, добрый молодец, ты на добро сюда попал: я не лютая медведица, а красная девица — заколдованная королева. Если ты устоишь да переночуешь здесь три ночи, то колдовство рушится — я сделаюсь по-прежнему королевною и выйду за тебя замуж.

Солдат согласился; медведица ушла, и остался он один. Тут напала на него такая тоска, что на свет бы не смотрел, а чем дальше — тем сильнее.

На третьи сутки до того дошло, что решился солдат бросить всё и бежать из замка; только как ни бился, как ни старался — не нашёл выхода. Нечего делать, поневоле пришлось оставаться.

Переночевал и третью ночь; поутру является к нему королева красоты неописанной, благодарит его за услугу и велит к венцу снаряжаться. Тотчас они свадьбу сыграли и стали вместе жить, ни о чём не тужить.

Через сколько-то времени вздумал солдат об своей родной стороне, захотел там побывать; королева стала его отговаривать:

— Оставайся, друг, не езди; чего тебе здесь не хватает?

Нет, не могла отговорить. Прощается она с мужем, даёт ему мешочек — сполна семечками насыпан — и говорит:

— По какой дороге поедешь, по обеим сторонам кидай это семя: где оно упадёт, там в ту же минуту деревья повырастут; на деревьях станут дорогие плоды красоваться, разные птицы песни петь, а заморские коты сказки сказывать.

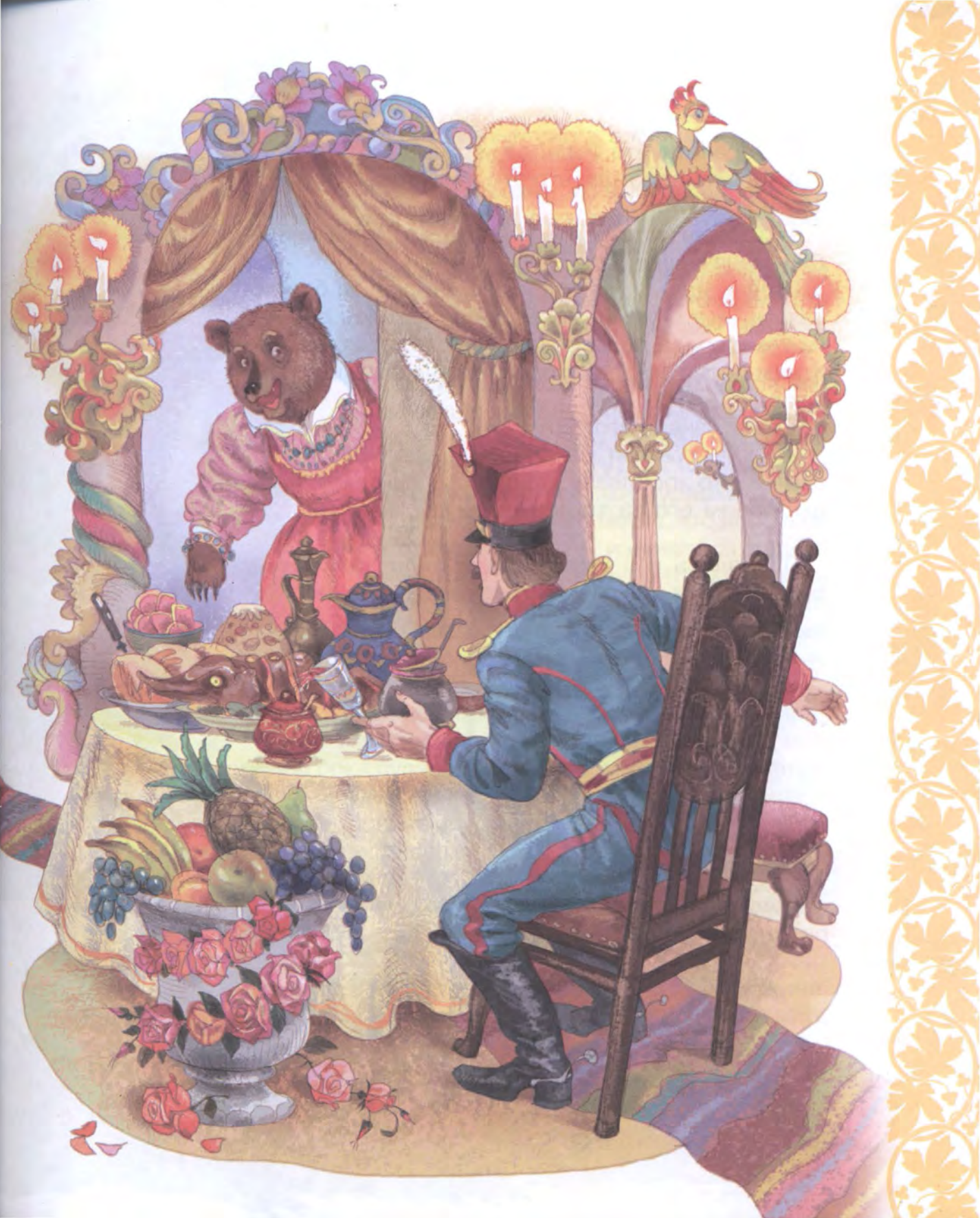
Сел добрый молодец на своего заслуженного коня и поехал в дорогу; где ни едет, по обеим сторонам семя бросает, и следом за ним леса поднимаются, так и ползут из сырой земли!

Едет день, другой, третий и увидел: в чистом поле караван стоит, на травке, на муравке купцы сидят, в карты поигрывают, а возле них котёл висит; хоть огня и нет под котлом, а варево ключом кипит.

«Экое диво! — подумал солдат. — Огня не видать, а варево в котле так и бьёт ключом; дай поближе взгляну».

Своротил коня в сторону, подъезжает к купцам:

— Здравствуйте, господа честные!

А того и невдомёк, что это не купцы, а всё черти.

— Хороша ваша штука: котёл без огня кипит! Да у меня лучше есть.

Вынул из мешка одно зёрнышко и бросил наземь — в ту ж минуту выросло вековое дерево, на том дереве дорогие плоды красуются, разные птицы песни поют, заморские коты сказки рассказывают.

Тотчас узнали его черти.

— Ах, — говорят меж собой, — да ведь это тот самый, что королевну избавил. Давайте-ка, братцы, опоим его за то зельем, и пусть он полгода спит.

Принялись его угощать и опоили волшебным зельем. Солдат упал на траву и заснул крепким,

беспробудным сном, а купцы, караван и котёл вмиг исчезли.

Вскоре после того вышла королевна в сад погулять; смотрит — на всех деревьях стали верхушки сохнуть.

«Не к добру! — думает. — Видно, с мужем что худое приключилось! Три месяца прошло, пора бы ему и назад вернуться, а его нет как нету!»

Собралась королевна и поехала его разыскивать. Едет по той дороге, по какой и солдат путь держал, по обеим сторонам леса растут, и птицы поют, и заморские коты сказки мурлыкают.

Доезжает до того места, что деревьев не стало больше — извивается дорога по чистому полю, и думает: «Куда ж он девался? Не сквозь землю же провалился!» Глядь — стоит в сторонке такое же чуждое дерево и лежит под ним её милый друг.

Подбежала к нему и ну толкать-будить — нет, не просыпается; принялась щипать его, колоть под бока булавками, колола, колола — он и боли не чувствует, точно мёртвый лежит, не ворохнётся. Рассердилась королевна и в сердцах проклятие промолвила:

— Чтоб тебя, соню негодного, буйным ветром подхватило, в безвестные страны занесло!

Только успела вымолвить, как вдруг засвистели-зашумели ветры, и в один миг подхватило солдата буйным вихрем и унесло из глаз королевны.

Поздно одумалась королевна, что сказала слово нехорошее, заплакала горькими слезами, воротилась домой и стала жить одна-одинёхонька.

А бедного солдата занесло вихрем далеко-далеко, за тридевять земель, в тридесятое государство, и бросило на косе промеж двух морей; упал он на самый узенький клинышек: направо ли сонный оборотится, налево ли повернётся — тотчас в море свалится, и поминай как звали!

Полгода проспал добрый молодец, ни пальцем не шевельнул; а как проснулся, сразу вскочил прямо на ноги, смотрит — с обеих сторон волны поднимаются, и конца не видать морю широкому; стоит да в раздумье сам себя спрашивает: «Каким чудом я сюда попал? Кто меня затащил?»

Пошёл по косе и вышел на остров; на том острове — гора высокая да крутая, верхушкою до облаков хватает, а на горе лежит большой камень. Подходит к этой горе и видит — три чёрта дерутся, клочья так и летят.

— Стойте, окаянные! За что вы дерётесь?

— Да, вишь, третьего дня помер у нас отец, и остались после него три чюдные вещи: ковёр-самолёт, сапоги-скороходы да шапка-невидимка, так мы поделить не можем.

— Эх вы! Из-за таких пустяков бой затеяли. Хотите, я вас разделю? Все будете довольны, никого не обижу.

— А ну, земляк, раздели, пожалуйста!

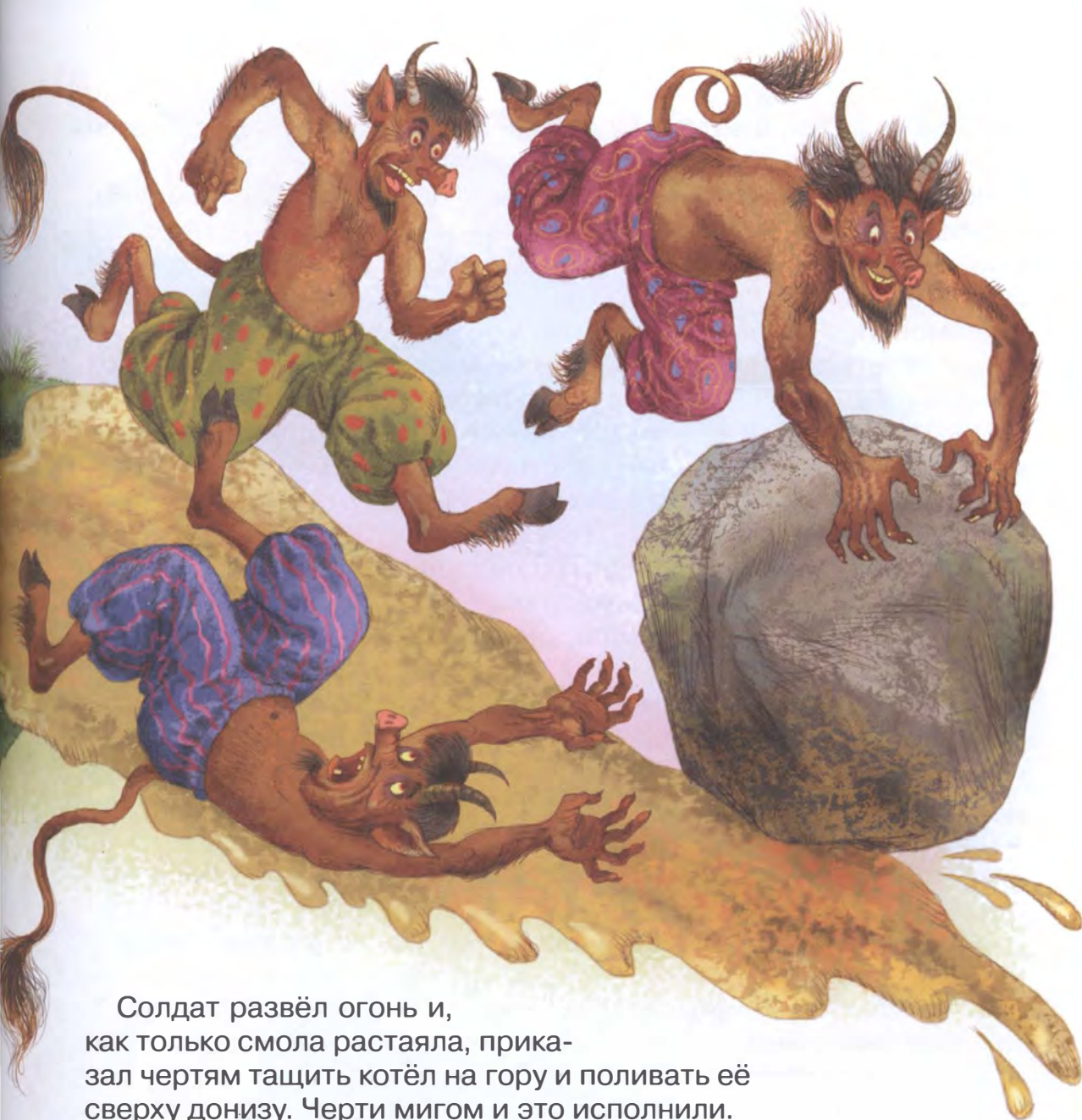
— Ладно! Бегите скорей по сосновым лесам, наберите смолы по сто пудов и несите сюда.

Черти бросились по сосновым лесам, набрали смолы триста пудов и принесли солдату.

— Теперь притащите из пекла самый большой котёл.

Черти приволокли самый большущий котёл — бочек сорок войдёт! — и положили в него всю смолу.

Солдат развёл огонь и, как только смола растаяла, приказал чертям тащить котёл на гору и поливать её сверху донизу. Черти мигом и это исполнили.

— Ну-ка, — говорит солдат, — пихните теперь вон тот камень; пусть он с горы катится, а вы трое за ним вдогонку приударьте. Кто прежде всех догонит, тот выбирай себе любую из трёх диковинок; кто второй догонит, тот из двух остальных бери,

какая покажется; а затем последняя диковинка пусть достанется третьему.

Черти пихнули камень, и покатился он с горы шибко-шибко; бросились все трое вдогонку. Вот один чёрт нагнал, ухватился за камень — камень тотчас повернулся, подворотил его под себя и вогнал в смолу. Нагнал другой чёрт, а потом и третий, и с ними то же самое! Прилипли крепко-накрепко к смоле.

Солдат взял под мышку сапоги-скороходы да шапку невидимку, сел на ковёр-самолёт и полетел искать своё царство.

Долго ли, коротко ли — прилетает к избушке; входит — в избушке сидит Баба-яга, костяная нога, старая, беззубая.

— Здравствуй, бабушка! Скажи, как бы мне отыскать мою прекрасную королевну?

— Не знаю, голубчик! Видом её не видала, слыхом про неё не слыхала. Ступай ты за столько-то морей, за столько-то земель — там живёт моя средняя сестра, она знает больше моего; может, она тебе скажет.

Солдат сел на ковёр-самолёт и полетел; долго пришлось ему по белу свету странствовать. Захочется ли ему есть-пить, сейчас наденет на себя шапку-невидимку, спустится в какой-нибудь город, зайдёт в лавки, наберёт чего только душа пожелает, на ковёр — и летит дальше.

Прилетает к другой избушке, входит — там сидит Баба-яга, костяная нога, старая, беззубая.

— Здравствуй, бабушка! Не знаешь ли, где найти мне прекрасную королевну?

— Нет, голубчик, не знаю. Поезжай-ка ты за столько-то морей, за столько-то земель — там живёт моя старшая сестра; может, она ведает.

— Эх ты, старая! Сколько лет на свете живёшь, все зубы повывалились, а доброго ничего не знаешь.

Сел на ковёр-самолёт и полетел к старшей сестре.

Долго-долго странствовал, много земель и много морей видел, наконец прилетел на край света; стоит избушка, а дальше никакого

ходу нет — одна тьма кромешная, ничего не видать! «Ну, — думает, — коли здесь не добыю толку, больше лететь некуда!»

Входит в избушку — там сидит Баба-яга, костяная нога, седая, беззубая.

— Здравствуй, бабушка! Скажи, где мне искать мою королевну?

— Подожди немножко; вот я созову всех своих ветров и у них спрошу. Ведь они по всему свету дуют, так должны знать, где она теперь проживает.

Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, свистнула молодецким посвистом; вдруг со всех сторон поднялись — повеяли ветры буйные, только изба трясётся!

— Тише, тише! — кричит Баба-яга.

И как только собрались ветры, начала их спрашивать:

— Ветры мои буйные, по всему свету вы дуете, не видали ль где прекрасную королевну?

— Нет, нигде не видели! — отвечают ветры в один голос.

— Да все ли вы налицо?

— Все, только южного ветра нет.

Немного погодя прилетает южный ветер. Спрашивает его старуха:

— Где ты пропадал до сих пор? Еле дождались тебя!

— Виноват, бабушка! Я зашёл в новое царство, где живёт прекрасная королева; муж у неё без вести пропал, так теперь сватают её разные цари и царевичи, короли и королевичи.

— А сколь далеко до нового царства?

— Пешему тридцать лет идти, на крыльях десять лет нестись; а я повею — в три часа доставлю.

Солдат начал просить, чтобы южный ветер взял его и донёс в новое царство.

— Пожалуй, — говорит южный ветер, — я тебя донесу, коли дашь мне вволю погулять в твоём царстве три дня и три ночи.

— Гуляй хоть три недели!

— Ну хорошо; вот я отдохну денька два-три, соберусь с силами, да тогда и в путь.

Отдохнул южный ветер, собрался с силами и говорит солдату:

— Ну, брат, собирайся, сейчас отправимся, да смотри не бойся, цел будешь!

Вдруг зашумел-засвистал сильный ветер, подхватило солдата на воздух и понесло через горы и моря под самыми облаками, и ровно через три часа был он в новом царстве, где жила его прекрасная королева.

Говорит ему южный ветер:

— Прощай, добрый молодец! Жалеючи тебя, не хочу гулять в твоём царстве.

— Что так?

— Потому, если я загуляю, ни одного дома в городе, ни одного дерева в садах не останется: всё вверх дном поставлю!

— Ну прощай! Спасибо тебе! — сказал солдат, надел шапку-невидимку и пошёл в белокаменные палаты.

Вот пока его не было в царстве, в саду все деревья стояли с сухими верхушками, а как он явился, тотчас ожили и начали цвести.

Входит он в большую комнату, а там сидят за столом разные цари и царевичи, короли и королевичи, что приехали за прекрасную королевну свататься, сидят да сладкими мёдами угощаются. Какой жених ни нальёт стакан, только к губам поднесёт — солдат тотчас хватить кулаком по стакану и сразу вышибет. Все гости тому удивляются, а прекрасная королевна в ту ж минуту догадалась. «Верно, — думает, — мой друг воротился!»

Посмотрела в окно — в саду на деревьях все верхушки ожили, и стала она своим гостям загадку загадывать:

— Была у меня золотая нитка с золотой иглой; я ту иглу потеряла и найти не чаяла, а теперь та игла нашлась. Кто отгадает эту загадку, за того замуж пойду.

Цари и царевичи, короли и королевичи долго над тою загадкою ломали свои мудрые головы, а разгадать никак не могли. Говорит королевна:

— Покажись, мой милый друг!

Солдат снял с себя шапку-невидимку, взял её за белые руки и стал целовать в уста сахарные.

— Вот вам и разгадка! — сказала прекрасная королевна. — Золотая нитка — это я, а золотая иглка — это мой верный муж. Куда иголочка — туда и ниточка.

Пришлось женихам оглобли поворачивать, разъехались они по своим дворам, а королевна стала со своим мужем жить-поживать да добра наживать.

КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и было у него три сына. Только вдруг унёс их мать Кощей Бессмертный.

Старший сын попросил у отца благословенья, отправился на поиски матери да и пропал без вести.

Средний подождал-подождал, попросил отцова благословенья и уехал. Да и он без вести пропал.

Меньший сын, Иван-царевич, говорит отцу:

— Батюшка! Благословляй и меня матушку искать.

Отец долго не отпускал его, говоря:

— Тех нет братьев, да и ты уедешь: я с кручины умру!

Но в конце концов благословил он и младшего сына. Вот пошёл Иван-царевич выбирать себе коня; на которого руку положит, тот и падёт; так коня себе и не выбрал. Идёт дорогой, голову повесил. Откуда ни возьмись, старуха, спрашивает его:

— Что, Иван-царевич, невесел, голову повесил?

— Да вот, бабушка, не могу найти себе доброго коня.

— Дурашка, из-за ерунды мучишься! — отвечает старуха.—
Пойдём со мной.

Привела его к горе, указала место:

— Копай эту землю.

Иван-царевич выкопал землю, видит чугунную доску на двенадцати замках; замки он тотчас же сорвал, двери отворил и вошёл под землю. Видит: прикован на двенадцати цепях богатырский конь; он, видно, услышал ездока по себе, заржал, забился и разом все двенадцать цепей порвал.

Иван-царевич надел на себя богатырские доспехи, надел на коня узду, черкасское седло, дал старухе денег и сказал:

— Благословляй и прощай, бабушка!

Сам сел и поехал.

Долго ездил, наконец доехал до горы; пребольшущая гора, крутая, въехать на неё никак нельзя. Видит: тут и братья его ездят вокруг горы. Поздоровались они, вместе поехали. Доезжают до чугунного камня пудов в полтораста, на камне надпись: кто этот камень бросит на гору, тому и ход будет.

Старшие братья не смогли поднять камень, а Иван-царевич с одного маху забросил на гору — и тотчас в горе выросла лестница.

Он оставил коня, накапал из мизинца в стакан крови, подаёт братьям и говорит:

— Ежели в стакане кровь почернеет, не ждите меня: значит, я умер!

Простился и пошёл. Взошёл на гору и залюбовался! Всякие тут леса, всякие ягоды, всякие птицы!

Долго шёл Иван-царевич, дошёл до большого терема. А жила в нём царская дочь, утащенная Кощеем Бессмертным.

Иван-царевич кругом ограды ходит, а дверей не видит. Царская дочь увидела его, вышла на балкон и крикнула:

— Тут, смотри, у ограды есть щель, дотронься до неё, и будут двери.

Так и случилось, и Иван-царевич вошёл в дом. Девушка его напоила-накормила и расспросила. Он ей рассказал, что пошёл выручать мать от Кощея Бессмертного. Девушка говорит ему на это:

— Трудно будет тебе, Иван-царевич! Он ведь бессмертный — убьёт тебя. Ко мне он часто ездит... вон у него меч в пятьсот пудов, поднимешь ли его? Тогда ступай!

Иван-царевич легко поднял меч и бросил кверху, а сам пошёл дальше.

Приходит к другому терему; нашёл двери и вошёл в дом. А тут его мать, обнялись они, поплакали.

Он и здесь испытал свои силы, бросил какой-то шарик в полторы тысячи пудов. Приходит время возвращаться Кощею Бессмертному; мать спрятала его. Вдруг Кощей Бессмертный входит в дом и говорит:

— Фу, фу! Русской коски слыхом не слыхать, видом не видать, а русская коска сама на двор пришла! Кто у тебя был? Не сын ли?

— Что ты, бог с тобой! Сам летал по Руси, нахватался русского духу, тебе и мерещится, — ответила мать Ивана-царевича. А сама поближе с ласковыми словами к Кощею Бессмертному, спрашивает то, другое и говорит: — Где же у тебя смерть, Кощей Бессмертный?

— У меня смерть, — говорит он, — в таком-то месте; там стоит дуб, под дубом ящик, в ящике заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце моя смерть.

Сказал это Кощей Бессмертный, побыл немного и улетел.

Пришло время — Иван-царевич благословился у матери, отправился по смерть Кощея Бессмертного.

Идёт доро́гой много время, не пивал, не едал, хочет есть до смерти и думает: кто бы на это время попался! Вдруг — волчонок; он хочет его убить. Выскакивает из норы волчица и говорит:

— Не тронь моего детища; я тебе пригожусь.

Иван-царевич отпустил волка; идёт дальше, видит ворону.

«Постой, — думает, — здесь я закушу!» Зарядил ружьё, хочет стрелять, ворона и говорит:

— Не тронь меня, я тебе пригожусь.

Иван-царевич отпустил ворону и пошёл дальше. Вышел на берег моря и видит: выскочил из воды щучонок и выпал на берег. Он его схватил и думает: «Вот теперь поем!»

Откуда ни возмись, щука и говорит:

— Не тронь, Иван-царевич, моего детища, я тебе пригожусь.

Он и щучонка отпустил.

Сидит он на берегу и думает, как море перейти. Тут выплыла щука и легла поперёк моря. Иван-царевич прошёл по ней, как по мосту, доходит до дуба, где была смерть Кощея Бессмертного, достал ящик, отворил — заяц выскочил и побежал.

Иван-царевич призадумался, а тут, откуда ни возьмись, волчица, кинулась за зайцем, поймала и несёт к Ивану-царевичу. Он схватил зайца, распорол его, вылетела из него утка и полетела. Он пострелял, пострелял — мимо!

Откуда ни возьмись, ворона с воронятами и полетела следом за уткой, поймала утку, принесла Ивану-царевичу. Царевич достал яйцо, пошёл к морю, стал мыть яичко да и уронил в воду.

Вдруг море вспенилось, выплыла щука, принесла ему яйцо, потом легла поперёк моря.

Иван-царевич прошёл по ней, как по мосточку, и отправился к матери. А мать его опять спрятала.

В то время прилетел Кощей Бессмертный и говорит:

— Фу, фу! Русской коски слыхом не слыхать, видом не видать, а здесь Русью несёт!

— Что ты, Кощей? У меня никого нет, — отвечала мать Ивана-царевича.

Тут вышел Иван-царевич, показал яйцо и говорит:

— Вот, Кощей Бессмертный, твоя смерть!

— Не губи меня, Иван-царевич, станем жить дружно; нам весь мир будет покорен, — стал умолять его Кощей.

Иван-царевич не обольстился его словами, раздавил яичко — и Кощей Бессмертный умер.

Взяли они, Иван-царевич с матерью, что было нужно, пошли на родиму сторону; по пути зашли за царской дочерью, к которой Иван-царевич заходил вперёд, взяли и её с собой; пошли дальше, доходят до горы, где братья Ивана-царевича всё ждут. Девица говорит:

— Иван-царевич! Воротись ко мне в дом; я забыла подвенечно платье, брильянтовый перстень и нешитые башмаки.

Между тем он спустил на верёвке мать и царскую дочь, с коей они условились обвенчаться; братья приняли их, да взяли верёвку и перерезали, чтобы Ивану-царевичу нельзя было спуститься. А мать и девицу угрозами заставили, чтобы дома про Ивана-царевича не сказывали.

Прибыли в своё царство; отец обрадовался детям и жене, только печалился об одном Иване-царевиче.

А Иван-царевич воротился в дом своей невесты, взял обручальный перстень, подвенечно платье и нешитые башмаки; приходит на гору, метнул с руки на руку перстень. Явилось двенадцать молодцев, спрашивают:

— Что прикажете?

— Перенесите меня вот с этой горы.

Молодцы тотчас его спустили и исчезли. Иван-царевич пошёл в своё царство, приходит в тот город, где жил его отец и братья, остановился у одной старушки и спрашивает:

— Что, бабушка, нового в вашем царстве?

— Да чего, дитятко! Вот наша царица была в плену у Кощея Бессмертного; её искали три сына, двое нашли и воротились, а третьего, Ивана-царевича, нет, и не знают где. Царь кручинится об нём. А эти царевичи с матерью привезли какую-то царску дочь, старший жениться на ней хочет, да она посылает наперёд куда-то за обручальным перстнем или велит сделать такое же кольцо, какое ей надо. Уже ищут охотников, да никто не выискивается.

— Ступай, бабушка, скажи царю, что ты сделаешь; а я пособлю,— говорит Иван-царевич.

Старуха побежала к царю и пообещала сделать перстень для царевны.

— Сделай, сделай, бабушка! Мы таким людям рады, — говорит царь, — а если не сделаешь, то голову на плаху.

Старуха перепугалась, пришла домой, заставляет Ивана-царевича делать перстень, а Иван-царевич спит, мало думает, перстень готов.

Иван-царевич встал поутру рано, будит старуху:

— Вставай, бабушка, да ступай понеси перстень, да смотри: больше одного червонца за него не бери. Если спросят, кто сделал перстень, скажи: сама; про меня не сказывай!

Старуха обрадовалась, снесла перстень; невесте понравился.

Вынесла она полно блюдо золота, да старуха взяла один только червонец.

Царь говорит:

— Что, бабушка, мало берёшь?

— На что мне много-то, ваше царско величество! После понадобятся — ты же мне дашь, — сказала старуха и ушла.

Прошло там сколько время — вести носят, что невеста посылает жениха за подвенечным платьем или велит сшить такое же, како ей надо. Старуха и тут успела (Иван-царевич помог), снесла подвенечное платье.

После снесла нешитые башмаки, а червонцев брала по одному и сказывала: эти вещи сама делает.

Слышат люди, что у царя в такой-то день свадьба; дождались и того дня. А Иван-царевич старухе наказал:

— Смотри, бабушка, как невесту привезут под венец, ты скажи мне.

Старуха время не пропустила. Иван-царевич тотчас оделся в царское платье, выходит к ней.

Старуха в ноги ему:

— Батюшка, прости, я тебя ругала!

— Бог простит.

Приходит в церковь. Брата его ещё не было. Он стал вместо брата рядом с невестой; их обвенчали и повели во дворец.

На дороге попадается навстречу жених, старший брат, увидал Ивана-царевича с невестой, стыдно ему стало, и убрался он восвояси.

Отец обрадовался Ивану-царевичу, узнал о коварстве братьев и, как отпировали свадьбу, старших сыновей отправил в ссылку, а Ивана-царевича сделал наследником.

ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

— Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; держи её всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у неё совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в годах, имела своих двух дочерей, почти однолеток Василисе, — стало быть, и хозяйка, и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашёл в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была

первая на всё село красавица; мачеха и сёстры завидовали её красоте, мучили её всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветра и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса всё переносила безропотно и с каждым днём всё хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то что они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала её куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрётся в чуланчике, где жила, и потчевает её, приговаривая:

— На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

Куколка покушает, да потом и даёт ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвёт цветочки, а у неё уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка ещё укажет Василисе и травку от загара. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает:

— Не выдам меньшей прежде старших!

А проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житьё в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила Баба-яга; никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но та завсегда возвращалась домой благопо-

лучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке Бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трём девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам.

Погасила огонь во всём доме, оставила только одну свечку там, где работали девушки, а сама легла спать.

Девушки работали. Вот нагорело на свечке; одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

— Что теперь нам делать? — говорили девушки. — Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнём к Бабе-яге!

— Мне от булавок светло! — сказала та, что плела кружево. — Я не пойду!

— И я не пойду, — сказала та, что вязала чулок. — Мне от спиц светло!

— Тебе за огнём идти, — закричали обе. — Ступай к Бабе-яге! — И вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

— На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнём к Бабе-яге; Баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза её заблестели, как две свечки.

— Не бойся, Василисушка! — сказала она. — Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не станется с тобой у Бабы-яги.

Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идёт она и дрожит. Вдруг скачет мимо неё всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая — на дворе стало рас-светать.

Идёт она дальше, скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне — стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка Яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские с глазами; вместо дверей у ворот — ноги человечесьи, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами. Василиса

обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам чёрный, одет во всё чёрном и на чёрном коне, подскочил к воротам Бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, — настала ночь.

Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, на всей поляне стало светло, как среди дня.

Василиса дрожала со страху, но, не зная, куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу Баба-яга — в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:

— Фу, фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

— Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнём к тебе.

— Хорошо, — сказала Баба-яга, — знаю я их, поживи ты наперёд да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!

Потом обратилась к воротам и вскрикнула:

— Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!

Ворота отворились, а Баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять всё заперлось.

Войдя в горницу, Баба-яга растянулась и говорит Василисе:

— Подавай-ка сюда что там есть в печи: я есть хочу.

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, начала таскать из печки да подавать Яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, мёду, пива и вина. Всё съела, всё выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала Яга-баба спать ложиться и говорит:

— Когда завтра я уеду, ты смотри — двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, бельё приготовь да пойдёшь в заком, возьми четверть пшеницы и очисти её от чернушки. Да чтоб всё было сделано, а не то — съём тебя!

После такого наказа Баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и сказала:

— На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжёлую дала мне Яга-баба работу и грозит съест меня, коли всего не исполню; помоги мне!

Кукла ответила:

— Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро мудреней вечера!

Ранёшенько проснулась Василиса, а Баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник — и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула — перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник — взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом Бабы-яги, подивилась изобилию во всём и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зёрна чернушки.

— Ах ты, избавительница моя! — сказала Василиса куколке. — Ты от беды меня спасла.

— Тебе осталось только обед состряпать, — отвечает куколка, влезая в карман Василисы. — Состряпай с богом, да и отдыхай на здоровье!

К вечеру Василиса собрала на стол и ждёт Бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами чёрный всадник — и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья — едет Баба-яга. Василиса встретила её.

— Всё ли сделано? — спрашивает Яга.

— Изволь посмотреть сама, бабушка! — молвила Василиса.

Баба-яга всё осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться, и сказала:

— Ну, хорошо!

Потом крикнула:

— Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе:

— Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зёрнышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

— Молись богу да ложись спать: утро вечера мудренее, всё будет сделано, Василисушка!

Наутро Баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас выполнили. Старуха воротилась, оглядела всё и крикнула:

— Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло! Явились три пары рук, схватили мак и быстро унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча.

— Что ж ты ничего не говоришь со мною? — сказала Баба-яга. — Стоишь как немая?

— Не смела, — отвечает Василиса, — а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем.

— Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведёт: много будешь знать, скоро состареешься!

— Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?

— Это день мой ясный, — отвечает Баба-яга.

— Потом обогнал меня другой всадник, на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?

— Это моё солнышко красное! — отвечала Баба-яга.

— А что значит чёрный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

— Это ночь моя тёмная — всё мои слуги верные!

Василиса вспомнила о трёх парах рук и молчала.

— Что ж ты ещё не спрашиваешь? — молвила Баба-яга.

— Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состареешься.

— Хорошо, — сказала Баба-яга, — что ты спрашиваешь только о том, что видала за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

— Мне помогает благословение моей матери, — отвечала Василиса.

— Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных.

Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала:

— Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали.

Бегом пустилась Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и наконец к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп. «Верно, дома, — думает себе, — уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа:

— Не бросай меня, неси к мачехе!

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили её ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей — тот погасал, как только входили с ним в горницу.

— Авось твой огонь будет держаться! — сказала мачеха.

Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и её дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся — глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

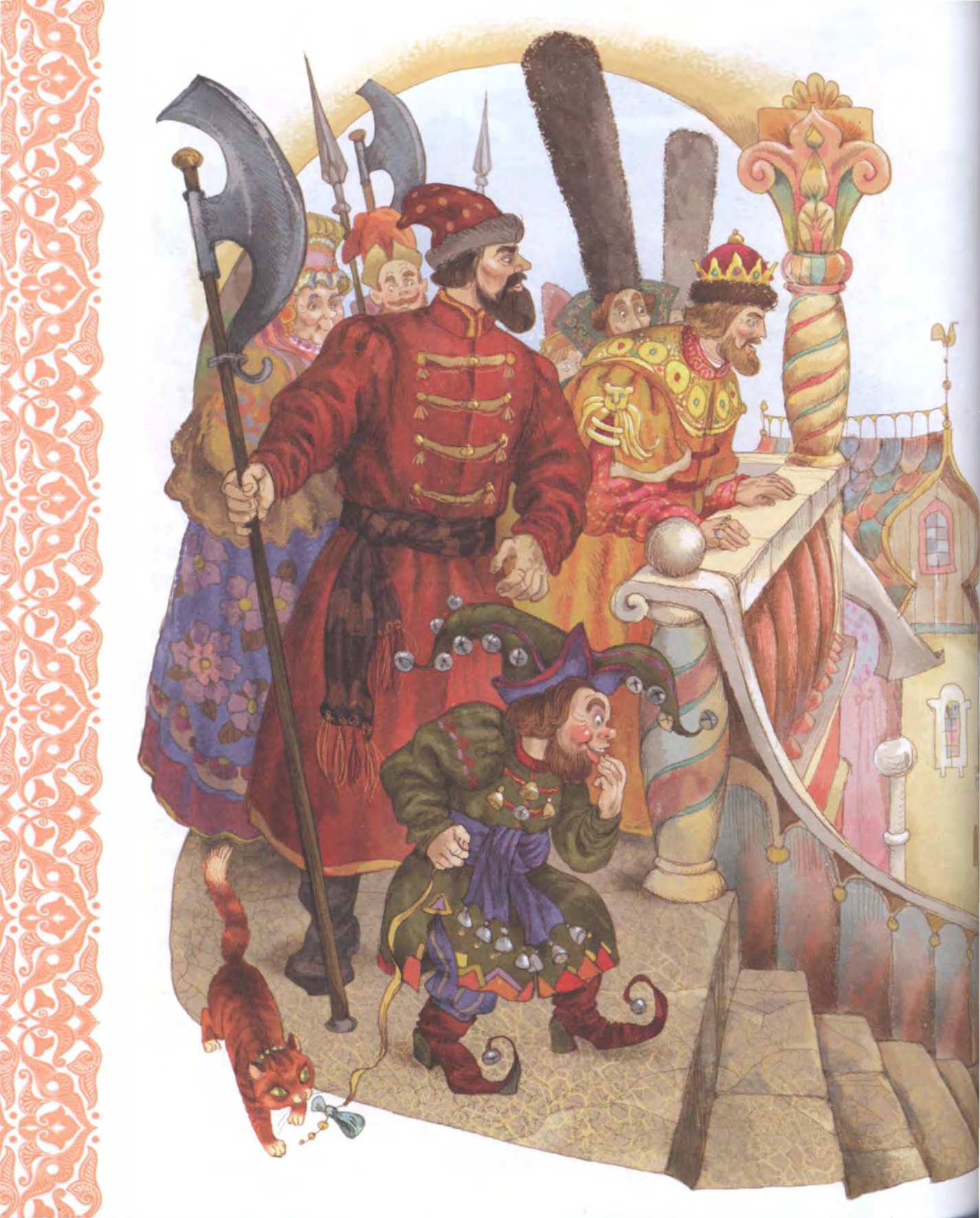
Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житьё к одной безродной старушке; живёт себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке:

— Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду.

Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у неё, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканьё приниматься, да таких берд не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берётся и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорит:

— Принеси-ка мне какое-нибудь старое бердо, да старый челнок, да лошадиной гривы; я всё тебе смастерю.

Василиса добыла всё, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

— Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

— Нет, дитячко! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец.

Пошла старуха к царским палатам да всё мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил:

— Что тебе, старушка, надобно?

— Ваше царское величество, — отвечает старуха, — я принесла диковинный товар; никому, кроме тебя, показывать не хочу.

Царь приказал впустить к себе старуху и, как увидел полотно, вздивовался.

— Что хочешь за него? — спросил царь.

— Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла.

Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; скроили, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать.

Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал:

— Умела ты на прясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить.

— Не я, государь, пряла и соткала полотно, — сказала старуха, — это работа приёмыша моего — девушки.

— Ну так пусть и сошьёт она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всём Василисе.

— Я знала, — говорит ей Василиса, — что эта работа моих рук не минует.

Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладая рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждёт, что будет. Видит: на двор к старухе идёт царский слуга; вошёл в горницу и говорит:

— Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить её из своих царских рук.

Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в неё без памяти.

— Нет, — говорит он, — красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою.

Тут взял царь Василису за белые руки, посадил её подле себя, а там и свадьбу сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об её судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

ЧУДЕСНАЯ РУБАШКА

В некотором царстве жил богатый купец. Помер купец и оставил трёх сыновей на возрасте. Два старших каждый день ходили на охоту.

В одно время взяли они с собой и младшего брата, Ивана, на охоту, завели его в дремучий лес и оставили там — с тем чтобы всё отцовское имение разделить меж собой, а его лишить наследства.

Иван — купеческий сын долгое время бродил по лесу, ел ягоды да коренья; наконец выбрался на равнину и на той равнине увидел дом.

Вошёл в комнаты, ходил, ходил — нет никого, везде пусто; только в одной комнате стол накрыт на три прибора, на тарелках лежат три хлеба. Иван — купеческий сын откусил от каждого хлеба по маленькому кусочку и спрятался за дверь.

Вдруг прилетел орёл, ударился о землю и сделался молодцем; за ним прилетает сокол, за соколом — воробей — ударились о землю и оборотились тоже добрыми молодцами. Сели за стол кушать.

— А ведь хлеб у нас почат! — говорит орёл.

— И то правда, — отвечает сокол, — видно, кто-нибудь к нам в гости пожаловал.

Стали гостя искать-вызывать.

Говорит орёл:

— Покажись-ка нам! Коли ты старый старичок — будешь нам родной батюшка, коли добрый молодец — будешь родной братец, коли ты старушка — будешь мать родная, а коли красная девица — назовём тебя родной сестрицею.

Иван — купеческий сын вышел из-за двери, они его ласково приняли и назвали своим братцем.

На другой день стал орёл просить Ивана — купеческого сына:

— Сослужи нам службу — останься здесь и ровно через год в этот самый день собери на стол.

— Хорошо, — отвечает купеческий сын, — будет исполнено.

Отдал ему орёл ключи, позволил везде ходить, на всё смотреть, только одного ключа, что на стене висел, брать не велел.

После того обратились добрые молодцы птицами — орлом, соколом и воробьём — и улетели.

Иван — купеческий сын ходил однажды по двору и усмотрел в земле дверь за крепким замком; захотелось туда заглянуть, стал ключи пробовать — ни один не приходится; побежал в комнаты, снял со стены запретный ключ, отпер замок и отворил дверь.

В подземелье богатырский конь стоит — во всём убранстве, по обеим сторонам седла две сумки привешены: в одной — золото, в другой — самоцветные камни.

Начал он коня гладить: богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван — купеческий сын спал беспробудно до того самого дня, в который должны прилететь его названные братья.

Как только проснулся, запер он дверь, ключ на старое место повесил и накрыл стол на три прибора.

Вот прилетели орёл, сокол и воробей, ударились о землю и сделались добрыми молодцами, поздоровались и сели обедать.

На другой день начал просить Ивана — купеческого сына сокол: сослужи-де службу ещё один год! Иван — купеческий сын согласился.

Братья улетели, а он опять пошёл по двору, увидел в земле другую дверь, отпер её тем же ключом.

В подземелье богатырский конь стоит — во всём убранстве, по обеим сторонам седла сумки прицеплены: в одной — золото, в другой — самоцветные камни.

Начал он коня гладить; богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван — купеческий сын спал беспробудно столько же времени, как и прежде.

Проснулся в тот самый день, когда братья должны прилететь, запер дверь, ключ на стену повесил и приготовил стол.

Прилетают орёл, сокол и воробей; ударились о землю, поздоровались и сели обедать.

На другой день поутру начал воробей просить Ивана — купеческого сына: послужи-де службу ещё один год! Он согласился.

Братья обратились птицами и улетели. Иван — купеческий сын прожил целый год один-одинёхонек и, когда наступил урочный день, накрыл стол и дожидает братьев.

Братья прилетели, ударились о землю и сделались добрыми молодцами; вошли, поздоровались и пообедали.

После обеда говорит старший брат, орёл:

— Спасибо тебе, купеческий сын, за твою службу; вот тебе богатырский конь — дарю со всею сбруею, и с золотом, и с камнями самоцветными.

Средний брат, сокол, подарил ему другого богатырского коня, а меньший брат, воробей, — рубашку.

— Возьми, — говорит, — эту рубашку пуля не берёт; коли наденешь её, никто тебя не осилит!

Иван — купеческий сын надел ту рубашку, сел на богатырского коня и поехал сватать за себя Елену Прекрасную; а о ней было по всему свету объявлено: кто победит Змея Горыныча, за того ей замуж идти.

Иван — купеческий сын напал на Змея Горыныча, победил его и уж собрался защемить ему голову в дубовый пенёк, да Змей Горыныч начал слёзно молить-просить:

— Не бей меня до смерти, возьми к себе в услужение; буду тебе верный слуга!

Иван — купеческий сын сжалился, взял его с собою, привёз к Елене Прекрасной и немного погодя женился на ней, а Змей Горыныча сделал поваром.

Раз уехал купеческий сын на охоту, а Змей Горыныч обольстил Елену Прекрасную и приказал ей разведать, отчего Иван — купеческий сын так мудр и силен.

Змей Горыныч сварил крепкого зелья, а Елена Прекрасная напоила зельем своего мужа и стала выпрашивать:

— Скажи, Иван — купеческий сын, где твоя мудрость?

— На кухне, в венике.

Елена Прекрасная взяла этот веник, изукрасила разными цветами и положила на видное место. Иван — купеческий сын воротился с охоты, увидал веник и спрашивает:

— Зачем это веник изукрасила?

— А затем, — говорит Елена Прекрасная, — что в нём твоя мудрость и сила скрываются.

— Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в венике?

Елена Прекрасная опять напоила его крепким зельем и спрашивает:

— Скажи, милый, где твоя мудрость?

— У быка в рогах.

На другой день Иван — купеческий сын воротился с охоты, увидел быка и спрашивает:

— Что это значит? Зачем рога вызолочены?

— А затем, — отвечает Елена Прекрасная, — что тут твоя сила и мудрость скрываются.

— Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в рогах?

Елена Прекрасная напоила мужа крепким зельем и снова стала его выпрашивать:

— Скажи, милый, где твоя мудрость, где твоя сила?

Иван — купеческий сын и выдал ей тайну:

— Моя сила и мудрость вот в этой рубашке.

После того уснул.

Елена Прекрасная сняла с него рубашку, а самого изрубила в мелкие куски и приказала выбросить в чистое поле, а сама стала жить с Змеем Горынычем.

Трое суток лежало тело Ивана — купеческого сына по чисту полю разбросано; уж вороны слетелись клевать его.

На ту пору пролетали мимо орёл, сокол и воробей, увидели мёртвого брата.

Бросился сокол вниз, поймал воронёнка и сказал старому ворону:

— Принеси скорее мёртвой и живой воды!

Ворон полетел и принёс мёртвой и живой воды.

Орёл, сокол и воробей сложили тело Ивана — купеческого сына, sprыснули сперва мёртвой водою, а потом живую.

Иван — купеческий сын встал, поблагодарил их, они дали ему золотой перстень.

Только Иван — купеческий сын надел перстень на руку, как тотчас оборотился конём и побежал на двор Елены Прекрасной.

Змей Горыныч узнал его, приказал поймать этого коня, поставить в конюшню и на другой день поутру отрубить ему голову.

При Елене Прекрасной была служанка; жаль ей стало такого славного коня, пошла в конюшню, сама горько плачет и приговаривает:

— Ах, бедный конь, тебя завтра казнить будут.

Провещал ей конь человеческим голосом:

— Приходи завтра, красная девица, на место казни, и как брызнет кровь моя наземь, заступи её своей ножкою; после собери эту кровь вместе с землёю и разбросай кругом дворца.

Поутру повели коня казнить; отрубили ему голову, кровь брызнула — красная девица заступила её своей ножкою, а после собрала вместе с землёю и разбросала кругом дворца; в тот же день выросли кругом дворца славные садовые деревья.

Змей Горыныч отдал приказ вырубить эти деревья и сжечь всё до единого.

Служанка заплакала и пошла в сад в последний раз погулять-полюбоваться. Провещало ей одно дерево человеческим голосом:

— Послушай, красная девица! Как станут сад рубить, ты возьми щепочку и брось в озеро.

Она так и сделала, бросила щепочку в озеро — щепочка оборотилась золотым селезнем и поплыла по воде.

Пришёл на то озеро Змей Горыныч — вздумал поохотиться, — увидал золотого селезня.

«Дай, — думает, — живьём поймаю!»

Снял с себя чудесную рубашку, что Ивану — купеческому сыну воробей подарил, и бросился в озеро. А селезень всё дальше, дальше, завёл Змея Горыныча вглубь, вспорхнул — и на берег, оборотился добрым молодцем, надел рубашку и убил Змея.

После того пришёл Иван — купеческий сын во дворец, Елену Прекрасную прогнал, а на её служанке женился и стал с нею жить-поживать, добра наживать.

ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у царя было три сына.

Вот дети и говорят ему:

— Милостивый государь-батюшка! Благослови нас, мы на охоту поедем.

Отец благословил, и они поехали в разные стороны.

Младший сын ездил, ездил и заплутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палая лошадь, около этой падали собралось много всяких зверей, птиц и гадов.

Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит:

— Иван-царевич, раздели нам эту лошадь; лежит она здесь тридцать три года, а мы всё спорим, а как поделить — не придумаем.

Царевич слез с своего доброго коня и разделил падаль: зверям — кости, птицам — мясо, кожа — гадам, а голова — муравьям.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал сокол. — За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьём всякий раз, как захочешь.

Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом, взвился и полетел в тридешатое государство; а того государства больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору.

Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем и спрашивает придворную стражу:

— Не возьмёт ли ваш государь меня на службу к себе?

— Отчего не взять такого молодца?

Вот он поступил к тому царю на службу и живёт у него неделю, другую и третью.

Стала просить царевна:

— Государь мой батюшка! Позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять.

Царь позволил. Сели они на добрых коней и поехали.

Подъезжают к хрустальной горе, вдруг, откуда ни возьмись, выскочила золотая коза.

Царевич погнал за ней; скакал, скакал, козы не добыл, а воротился назад — и царевны нету! Что делать? Как к царю на глаза показаться?

Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя; пришёл во дворец и говорит царю:

— Ваше величество! Найми меня стадо пасти.

— Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трёх головах — дай ему три коровы, коли о шести головах — дай шесть коров, а коли о двенадцати головах — то отсчитай двенадцать коров.

Иван-царевич погнал стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трёх головах:

— Эх, Иван-царевич, за какое ты дело взялся? Где бы сражаться доброму молодцу, а он стадо пасёт! Ну-ка, — говорит, — отгони мне трёх коров.

— Не жирно ли будет? — отвечает царевич. — Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты трёх коров захотел... Нет тебе ни одной!

Змей осерчал и вместо трёх захватил шесть коров.

Иван-царевич тотчас обернулся ясным соколом, снял у змея три головы и погнал стадо домой.

— Что, дедушка, — спрашивает царь, — прилетал ли трёхглавый змей, дал ли ему трёх коров?

— Нет, ваше величество, ни одной не дал!

На другой день гонит царевич стадо по горам, по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров.

— Ах ты, чудо-юдо обжорливое! Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни единой!

Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров; а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов.

Пригнал домой стадо; царь и спрашивает:

— Что, дедушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли моё стадо поубавилось?

— Прилетать-то прилетал, но ничего не взял!

Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещинку заполз в хрустальную гору; смотрит — в хрустальной горе сидит царевна.

— Здравствуй, — говорит Иван-царевич, — как ты сюда попала?

— Меня унёс змей о двенадцати головах; живёт он на батюшкином озере. В том змее сундук таится, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яичко, в яичке — семечко; коли ты убьёшь его да достанешь это семечко, в те поры можно хрустальную гору извести и меня избавить.

Иван-царевич вылез из той горы, снарядился пастухом и погнал стадо.

Вдруг прилетает змей о двенадцати головах:

— Эх, Иван-царевич! Не за своё ты дело взялся; чем бы тебе, доброму молодцу, сражаться, а ты стадо пасёшь...

Ну-ка, отсчитай мне двенадцать коров.

— Жирно будет! Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты чего захотел!

Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались — Иван-царевич победил змея о двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой стороне нашёл сундук; в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — семечко.

Взял он семечко, зажёг и поднёс к хрустальной горе — гора скоро растаяла. Иван-царевич вывел оттуда царевну и привёз её к отцу; отец возрадовался и говорит царевичу:

— Будь ты моим зятем!

Тут их и обвенчали; на той свадьбе я был, мёд-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.

МАРЬЯ-КРАСА — ДОЛГАЯ КОСА И ВАНЮШКА

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь с царицей. И была у них единственная дочь, Марья-краса — долгая коса. Жили они хорошо, счастливо.

Вдруг пришла на них страшная беда. Налетел на царство-государство страшный Змей о девяти головах, о девяти хоботах, о девяти хвостах. С ним два сына-змеёныша. Старший — о шести головах, младший — о трёх. Закричал Змей такие слова:

— Слушайте, царь с царицей и весь народ! Всё я царство огнём сожгу, пеплом развею. Все леса повыдеру, все реки-озёра повыплесну, все поля, луга притопчу, всех людей погублю! А хотите живыми быть, кормите меня с сыновьями по самую смерть. Чтобы каждый день к вечерней заре оставляли на Буян-реке девушку шестнадцати лет. Нам на съеденье, вам на спасенье.

Что тут делать?

Заплакал весь народ горько, да делать нечего.

Стали с той поры каждый день к вечеру брать по девушке шестнадцати лет, вели её на Буян-реку, к столетнему дубу приковывали.

Налетали тут змеи, девушку пожирали, косточки в озеро бросали.

В ту пору, в то время был у бедной бабушки-задворенки на краю города любимый внук Ванюшка.

Увидал раз Ванюшка, как у синя моря на золотом песке Марья-краса — долгая коса хороводы водила, и полюбил её без памяти.

Вдруг весть пришла, что завтра царевне на съеденье к Змею идти.

Встал поутру Ванюшка, говорит бабушке:

— Готовь мне, бабушка, льняную рубашку чистую, пойду я биться со Змеем лютым — или живым не буду, или Марью-царевну освобожу.

Заплакала тут бабушка, приготовила ему льняную рубаху, побежала в огород, принесла жгучей крапивы, стала из жгучей крапивы вторую рубаху плести.

Плетёт рубаху, сама от боли плачет.

— Вот, — говорит, — Ванюшка, надень ты эту рубаху. Будет Змей тебя кусать — языки обожжёт.

— Хорошо, — говорит Ванюшка.

Вот на вечерней заре обрядился Ванюшка. Взял острую косу, железную палицу, надел льняную рубаху, сверху крапивную, попрощался с бабушкой и пошёл на гору Буян.

Стоит на горе Буян столетний дуб. У дуба Марья-краса — долгая коса золотой цепью прикована. Увидела она Ванюшку — заплакала:

— Ты зачем пришёл, добрый молодец? Мой черёд смерть принимать, горячую кровь проливать, а тебе за что пропадать? Прилетит сейчас Змей и тебя сожрёт.

— Не бойся, красная девица! Авось не сожрёт — подавится.

Подошёл Ванюшка к царевне, ухватил золотую цепь богатырской рукой, разорвал, как гнилую верёвочку. Потом лёг на песок, положил голову Марье-красе на колени и говорит:

— Я посплю, царевна, недолгим сном, а ты на море смотри. Только туча взойдёт, ветер зашумит, море всколыхнётся, тотчас разбуди меня!

Заснул Ванюшка богатырским сном. А Марья-краса на море смотрит. Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхнулось, из синей волны трёхголовый Змей идёт.

Разбудила Марья-царевна Ванюшку. Только Ванюшка на ноги вскочил, а Змей уже тут как тут:

— Ты, Иван, зачем пожаловал? Богу молись, с белым светом простишься да полезай скорей сам в мою глотку, тебе же легче будет.

— Врёшь, проклятый Змей! Не проглотишь! Подавишься.

Схватил Ванюшка острую косу, размахнулся во всё плечо и скосил у Змея все три головы. Поднял серый камень, собрал три головы. Языки вырезал, в сумку спрятал, головы под камень положил, туловище в море столкнул, сам на песок упал, заснул богатырским сном.

Стоит Марья-краса — долгая коса ни жива ни мертва. Не знает — плакать или радоваться. Села на песок, подняла его голову, на колени себе положила, шёлковым платком пот вытерла. Вдруг видит: туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхнулось. Лезет из синего моря Змей, на Буян-гору поднимается. Стала царица Иванушку будить. А Иванушка спит богатырским сном. Ухватила его царица за волосы:

— Проснись! Проснись, Иванушка! Наша смерть идёт!

Тут вскочил Иванушка на ноги. Увидел его шестиглавый Змей, заворчал, зафыркал:

— Жалко мне тебя, добрый молодец! Тебя есть — вкусу в тебе нет. Проглочу тебя разве не разжёвывая.

— Ничего, — говорит Иванушка, — авось подавишься!

Схватил Иванушка свою острую косу, размахнул широко рукой, отрубил Змею три головы. А три головы огнём палят, дымом дышат, глаза выжигают. Ухватила Марья-краса свою долгую косу, стала золотой косой Змея по глазам хлестать. Обернулся Змей в её сторону. Подскочил тут Иванушка, отрубил Змею три головы. Языки вырезал, головы под камень спрятал, туловище в море столкнул. Сам упал на крутой берег, лицом в золотой песок, заснул богатырским сном.

Подняла Марья-краса его голову, себе на колени положила, шёлковым платочком пот вытерла.

Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхнулось.

Выходит из моря страшный Змей, о девяти головах, о девяти хоботах, о девяти хвостах. Каждый хвост в свою сторону бьёт, каждый хобот своим напевом поёт, каждая голова зубами щёлкает.

Испугалась Марья-краса пуще прежнего, стала Иванушку будить:

— Вставай, вставай, Иванушка! Страшный Змей идёт, нас с тобой сожрёт!

Спит Иванушка непробудным сном. Плачет над ним царевна, слезами обливается:

— Проснись, проснись, Иванушка! Русский человек смерть лёжа не встречает, перед нею на ногах стоит!

Тут проснулся Иван, востепенулся Иван, схватился за косу острую.

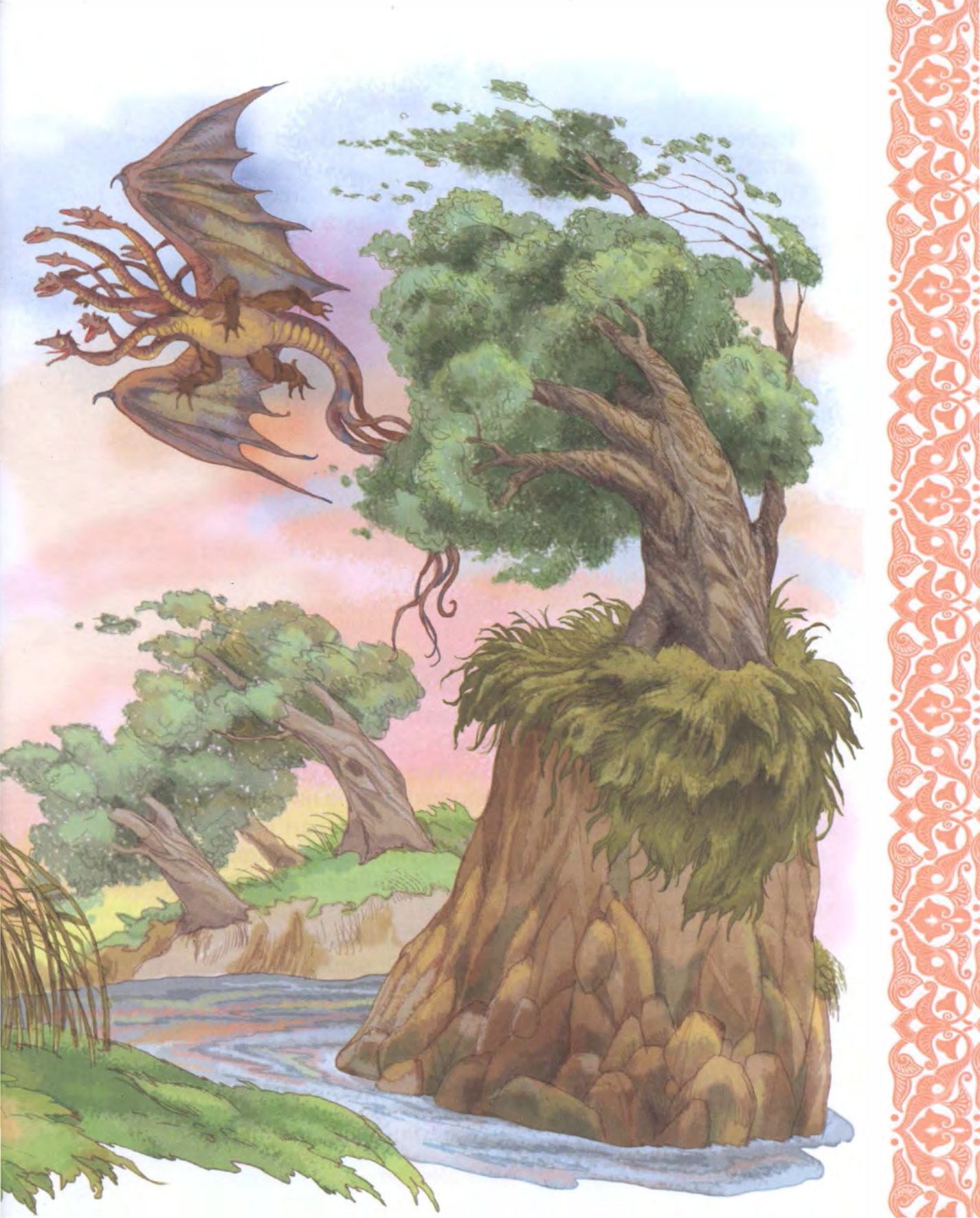
Налетел тут на него девятиголовый Змей, закричал, зафыркал:

— И хорош ты, и пригож ты, добрый молодец! Да не быть тебе живому. Съем я тебя, да и с косточками.

— Врёшь, проклятая гадина! Подавишься.

Начали они тут биться смертным боем. Лес кругом на корню шатается, песок столбом подымается, по синему морю волны идут. Змей огнём пышет, дымом душит. Иванушка косой косит. Коса у него в руках докрасна раскалилась. Семь голов Иванушка срубил — две одолеть не может. Ухватил его было Змей поперёк, да выплюнул. Крапивная рубашка язык обожгла.

Подбежала тут Марья-царевна, стала Змея по глазам косой хлестать.

Обернулся Змей в её сторону, а тут Ванюшка подскочил, две последние головы Змею ссёк. Языки вырезал, головы под камень спрятал, туловище в море столкнул.

Пала Марья-царевна Ванюшке в ноги:

— Спасибо тебе, Иванушка! Меня освободил, всю землю Русскую избавил. Будешь ты моим суженым, батюшке помощником, моей матушке — любимым сынком.

Сняла она с руки золотой перстенёк, Иванушке на мизинный палец надела.

А Иванушка на ногах шатается, кровавый пот по лицу бежит. Упал Иванушка на сырой песок, заснул богатырским сном, — видно, смертно намаялся. Села Марья-царевна около него, сон оберегает, комаров-мух отгоняет.

Ехал мимо царский воевода на белом коне. Сам страшный, голова стручком, руки-ноги граблями. Видит: Марья-царевна сидит, крепким сном Иванушка спит, под камнем головы валяются. Ухватил Марью-царевну за косу, посадил её на коня с собой рядом, завёз в густой дремучий лес и давай нож точить.

Спрашивает его Марья-царевна:

— Что ты, добрый человек, делать собираешься?

— Я нож точу, тебя убить хочу!

Заплакала царевна:

— Не режь меня, добрый человек! Я тебе ничего худого не сделала.

— Скажи отцу, что я тебя от смерти избавил, Русскую землю от гадов освободил, посулись, что будешь мне верной женой, — тогда помилую.

Ничего не подделаешь! Пришлось Марье-царевне согласие дать. Повёз её воевода во дворец.

Привёз к царю, змеиные головы показал.

— Вот, — говорит, — кто тебя от беды избавил!

Обрадовался царь, обнял воеводу.

— Через три дня, — говорит, — честным пирком да за свадьбу!

Марья-царевна плачет, а слово сказать боится. Только через три дня к вечеру проснулся Иванушка, видит: один он на Буянгоре, нет рядом Марьи-царевны, нет под серым камнем змеиных голов.

Пошёл Иванушка в город, пришёл к бабушке.

Обрадовалась бабушка. Пироги на стол тащит, жаркую баньку топит.

А Иванушка говорит:

— Пойди-ка, бабушка, в город, послушай, что люди говорят.

Сбегала бабушка в город, послушала, что люди говорят, воротилась назад, рассказывает:

— Идёт у народа молва, что будет сегодня у царя великий пир — честная свадьба. Выдаёт царь Марью-царевну за воеводу. А ты думал, Ванюшка, она за бедняка пойдёт!

Иванушка в бане вымылся, чистую рубаху надел, стал молодец: хорош-пригож — лучше не надо!

Вечером пошёл прямо во дворец. Там пир идёт. Гости пьют и едят, всякими играми забавляются.

Ходит воевода по горницам, хорохорится:

— Кто вас, холопы, от смерти спас? Вы у меня теперь не пикнете!

Марья-царевна сидит бела как мел, глаза наплаканы.

Взял Иванушка золотой кубок, налил в него мёду сладкого, опустил в него золотое кольцо, позвал девушку Чернавушку и говорит:

— Поклонись Марье-царевне, пускай выпьет до самого дна за того, кто её от смерти спас.

Поднесла Чернавка кубок Марье-царевне. Выпила Марья-царевна до самого дна. Подкатился к её губам золотой перстень. Вынула его Марья-царевна, обрадовалась.

— Батюшка, — говорит, — не тот меня от смерти избавил, кто рядом со мной сидит, хорохорится, а тот меня от смерти избавил, кто меж гостями стоит, кому я этот перстень дала, кого суженым звала. Выйди сюда, Иванушка!

Вышел Иванушка на середину горницы. Марья-царевна к нему подошла. Гости разохались, переглядываются.

Вскочил воевода, ругается:

— Ах ты этакой! Людей русских обманывать! Кто Змея убил, тот и головы срубил, тот их и во дворец приволок.

А Иванушка ему в ответ:

— Если ты Змея убил, ему головы срубил — скажи, какой в головах изъян?

— Никакого изъяну в головах нет — они целёхоньки. Я его не ранил, не колол, с одного разу головы ссёк.

Поднял головы змеиные Иванушка, пасти раскрыл.

— Вот, — говорит, — какой в головах изъян! В головах языков-то нет! Языки у меня в сумочке.

Тут Марья-царевна подошла и говорит:

— А вот мой платочек шёлковый. На нём кровь и пот Иванушки.

Тут царь разгневался, приказал воеводу плетью прогнать, а Иванушку обвенчал с Марьей-красой — долгой косой тем же вечером.

Тут и сказке конец, а мне мёду корец.

Содержание

БАБА-ЯГА (По сказке из сборника А. Афанасьева)	5
ТЕРЁШЕЧКА (Из сборника А. Афанасьева)	13
БЕЛАЯ УТОЧКА (Из сборника А. Афанасьева)	21
ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА (Из сборника А. Афанасьева)	27
КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ (Из сборника А. Афанасьева)	41
ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ (Из сборника А. Афанасьева)	49
ЧУДЕСНАЯ РУБАШКА (Из сборника А. Афанасьева)	65
ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА (Из сборника А. Афанасьева)	77
МАРЬЯ-КРАСА — ДОЛГАЯ КОСА И ВАНЮШКА (В обработке И. Карнауховой)	83

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

Серия «Золотая библиотека»

РУССКИЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Художник А. ЛЕБЕДЕВ

Ответственный редактор В. С. РЯБЧЕНКО
Художественный редактор М. В. ПАНКОВА
Технический редактор А. М. ЖДАНОВА
Корректор Л. А. ЛАЗАРЕВА
Верстка А. А. КОМАРОВСКОГО

Подписано к печати 10.08.11.
Формат 84×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,36. ID 13980.
Заказ № 8462.

ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС».

Почтовый адрес: 127018, Москва, ул. Октябрьская, д. 4, стр. 2. Тел.: (495) 933-71-30.
Юридический адрес: 129301, Москва, ул. Бориса Галушкина, д. 23, стр. 1.

*Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ,
получить опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу: www.rosman.ru*

ОТДЕЛ ПРОДАЖ:
(495) 933-70-73; 933-71-30;
(495) 933-70-75 (факс).

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

Р88 Русские волшебные сказки : сказки / В обр. А. Афанасьева
и И. Карнауховой. – М. : РОСМЭН-ПРЕСС, 2011. – 96 с. : ил. —
(Золотая библиотека).

В сборник вошли самые известные и любимые русские сказки. Маленькие читатели с удовольствием прочитают сказки о Кощее Бессмертном, о Василисе Прекрасной, о Бабе-яге и о других сказочных персонажах.

ISBN 978-5-353-05497-9

УДК 82-34-93

ББК 84(2Рус=Рос)

© И. Карнаухова, текст, наследники, 2011

© ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2011

• ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА •

В серию «Золотая библиотека» вошли самые лучшие произведения классиков и современных детских писателей. Эти замечательные книги откроют маленьким читателям прекрасный мир волшебных сказок, весёлых историй, рассказов о природе и чудесных стихов и навсегда станут их верными друзьями.

ISBN 978-5-353-05497-9

9 785353 054979